

На правах рукописи

Найбойченко Владимир Владимирович

**ВИНА В УМЫШЛЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ
(ЗАКОН, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА)**

12.00.08 – уголовное право и криминология;
уголовно-исполнительное право

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Саратов – 2016

Работа выполнена в федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования «Саратовская государственная юридическая академия».

- Научный руководитель** доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ
Разгильдиев Бяшир Тагирович
- Официальные оппоненты:** **Рарог Алексей Иванович**
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ,
ФГБОУ ВО «Московский юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»,
заведующий кафедрой
- Дубовиченко Сергей Викторович**
кандидат юридических наук, доцент,
ОАО ВО «Волжский университет имени В.Н. Татищева», декан
- Ведущая организация** Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Волгоградская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации»

Защита состоится 16 ноября 2016 г. в 12:00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.239.01 на базе федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Саратовская государственная юридическая академия» по адресу: 410056, г. Саратов, ул. Чернышевского, 104, зал заседаний диссертационных советов.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на официальном сайте федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Саратовская государственная юридическая академия» (<http://test.ssla.ru/diss.phtml>).

Автореферат разослан «___» сентября 2016 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Кобзева Елена Васильевна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. В период бурной модернизации уголовного законодательства и активного обсуждения необходимости принятия нового Уголовного кодекса Российской Федерации важно еще раз переосмыслить систему его концептуальных основ.

Не преувеличивая, можно сказать, что учение о вине — основа основ не только уголовного законодательства, но и правоприменительной практики. Его современное состояние характеризуется плюрализмом концепций вины (психологическая, оценочная, психолого-оценочная и др.), продолжающимися дискуссиями по этой проблеме и толерантным отношением ученых к поиску нового. Нормативно-правовая история и накопленные поколениями ученых знания в данной области позволяют судить о возможности развития уголовного законодательства в нескольких направлениях. Поэтому важно не ошибиться в его выборе. Выбрать правильный вектор позволит научная полемика.

Значимое место в системе знаний о вине занимает вина умышленная, которую можно рассматривать как ее подсистему. Единодушие российских ученых в трактовке умышленной вины (исключительно с точки зрения психологической концепции), когда об общем понятии вины ведутся дебаты, вызывает ряд вопросов. В научной дискуссии нецелесообразно замыкаться в рамках общего понятия вины, а также ограничиваться каким-то одним позиционированием вины умышленной. В связи с этим возникает объективно оправданная научно-прикладная потребность рассмотрения умышленной вины через призму психолого-оценочной концепции, потребность в новой постановке проблемы об умышленной вине — как о вине в умышленном преступлении.

Стабильно высокий уровень в структуре преступности России таких умышленных преступлений, как убийство, изнасилование, разбой, грабеж, кража и др. (по данным МВД, в январе — декабре 2014 г. на территории России зарегистрировано 2190578 преступлений, из них 393009 — преступления против личности (в их числе 11933 убийств и покушений на убийства), 1258305 — против собственности (в том числе 908901 краж); в январе — декабре 2015 г. аналогичные показатели были следующими: 2388476; 409559 (11496); 1397391 (1018451)¹), стимулирует научный поиск его причин, из которых нельзя исключать состояние уголовного закона и уголовно-правовой теории.

Необходим научный поиск ответа на вопрос о том, нет ли искусственного, не отвечающего интеллектуально-волевым качествам человека, расширения сферы уголовно-правовой оценки деяний как умышленных преступлений.

Подтверждением злободневности данного аспекта проблемы умышленных преступлений служит Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ «О

¹ См.: Состояние преступности в России за январь — декабрь 2014 года [Электронный ресурс]. URL: https://mvd.ru/upload/site1/document_file/pxOrdPt4BF.pdf (дата обращения: 10.02.2015); Состояние преступности в России за январь — декабрь 2015 года [Электронный ресурс]. URL: https://mvd.ru/upload/site1/document_file/sb_1512.pdf (дата обращения: 04.02.2016).

внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности»¹.

В Пояснительной записке к проекту данного закона отмечается, что в 2014 г. из 719305 лиц общего числа осужденных 330898 лиц были признаны виновными и осуждены за преступления небольшой тяжести (к ним относятся и ряд умышленных преступлений), причем как сами деяния, так и лица, их совершившие, не обладают достаточной степенью общественной опасности, соответственно, негативные последствия от судимости в таких случаях не вполне адекватны этой опасности².

В целях комплексного изучения института вины в умышленных преступлениях объективно оправдано рассмотрение философских основ уголовно-правового института вины в умышленных преступлениях, его генезиса и дальнейшей эволюции. Взгляд на умышленную вину с точки зрения, выходящей за категорию «преступление», расширит научные знания в данной сфере. В связи с интеграцией России в мировое сообщество целесообразно представить зарубежный опыт данного феномена для критического осмысления и возможного учета его положительных начал российским законодателем. Не случайно в проекте Концепции уголовно-правовой политики Российской Федерации одной из ее задач названо развитие основ и механизмов гармонизации и унификации уголовного законодательства в рамках международного сотрудничества Российской Федерации с иными государствами³.

Важно выявить особенности реализации уголовно-правовых норм об умышленной вине в правоприменительной практике и попытаться сократить дистанцию между теорией и правоприменением посредством создания теоретических концепций, учитывающих реалии практики применения уголовного закона. Требуют совершенствования и уголовно-правовые нормы об умышленной вине и умышленных преступлениях.

Вышеизложенное подтверждает актуальность темы диссертации и своевременность нового комплексного исследования вины в умышленных преступлениях.

Степень теоретической разработанности проблемы. С момента возникновения отечественной науки уголовного права проблема умышленной вины всегда находилась в центре внимания исследователей. Ей посвящены научные труды известных теоретиков досоветского периода, среди них: С.И. Баршев, А.Ф. Бернер, М.Ф. Владимирский-Буданов, Д.А. Дриль, В.В. Есипов, П.Д. Калмыков, А.Д. Киселев, А.Ф. Кистяковский, Г.Е. Колоколов, Н.А. Неклюдов, И. Нейман, С.В. Познышев, П.П. Пусторослев,

¹ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. № 27 (ч. II), ст. 4256.

² См.: Сайт Верховного Суда Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vsrp.ru/>; <http://supcourt.ru/second.php> (дата обращения: 02.08.2015).

³ См.: Концепция уголовно-правовой политики Российской Федерации (проект) // Сайт Общественной палаты Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.oprf.ru/discussions/newsitem/17889?offset=1> (дата обращения: 02.08.2015).

А.К. фон Резон, Н.К. Ренненкампф, Росси, Н.Д. Сергеевский, Г.И. Солнцев, В.Д. Спасович, Н.С. Таганцев, Г.С. Фельдштейн, И.Я. Фойницкий и др. В советский период ей уделяли внимание такие ученые, как: П.С. Дагель, Ю.А. Демидов, Г.А. Злобин, Д.П. Котов, В.Г. Макашвили, Б.С. Маньковский, А.Г. Микадзе, Б.С. Никифоров, С.В. Познышев, А.А. Пионтковский, А.И. Рарог, Т.Л. Сергеева, К.Ф. Тихонов, М.Г. Угрехелидзе, Б.С. Утевский, Б. Хорнабуджели и др. В современный период развития уголовно-правовой доктрины к проблеме умышленной вины проявляют научный интерес Е.В. Благов, Ю.И. Бытко, С.В. Векленко, Г.В. Верина, Д.А. Гарбатович, А.В. Гребенюк, С.В. Дубовиченко, В.В. Лунеев, Р.И. Михеев, Г.В. Назаренко, А.В. Наумов, Т.Б. Недопекина, В.А. Нерсисян, И.В. Паньков, Д.П. Потапов, Б.Т. Разгильдиев, А.И. Рарог, С.В. Складаров, Д.А. Чанышев, А.Ю. Ширяев, В.Ф. Щепельков, В.А. Якушин и др.

Научные труды названных и ряда других ученых внесли неоценимый вклад в развитие учения о вине. Вместе с тем следует заметить, что в трудах вышеозначенных ученых умышленная вина, как правило, рассматривалась в контексте других, более общих или смежных, проблем — субъективной стороны преступления, вины, субъективного вменения, вменяемости, основания уголовной ответственности, дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности, мотивации преступного поведения и т.д.

С другой стороны, теория уголовного права уделяла внимание сугубо частным вопросам умышленной вины: детальный анализ интеллектуальных компонентов прямого и косвенного умыслов представлен в диссертации С.В. Дубовиченко на соискание ученой степени кандидата юридических наук (Казань, 2007); А.Ю. Ширяевым на уровне кандидатской диссертации исследовалось предметное содержание вины в преступлениях с формальным составом (Екатеринбург, 2013).

Однако в период действия Уголовного кодекса Российской Федерации 1996 г. (далее — УК РФ) комплексному монографическому исследованию умышленной вины посвящено крайне мало работ. Следует назвать диссертацию на соискание ученой степени кандидата юридических наук И.В. Панькова «Умышленная вина по российскому уголовному праву: теоретический и нормативный аспекты» (СПб., 2010), внесшую солидный вклад в разработку данной проблемы. В указанной работе объектом исследования выступала умышленная вина как уголовно-правовое явление с точки зрения особенностей теоретического понимания и нормативного регулирования, рассматриваемая под углом зрения психологической концепции вины.

С учетом изложенного представляет научный интерес познание умышленной вины с точки зрения концепции психолого-оценочной. До настоящего времени в теории российского уголовного права данная проблема под таким углом зрения на монографическом уровне не изучалась.

Сказанное свидетельствует о назревшей объективной необходимости изучения новых граней проблемы вины и комплексного монографического исследования вины в умышленных преступлениях.

Объект и предмет диссертационного исследования. Объектом исследования выступает феномен вины в умышленных преступлениях, рассматриваемый в качестве составляющей системы знаний о вине в преступлениях.

Предмет исследования: российское уголовное законодательство в его историческом развитии, зарубежное уголовное законодательство, накопленная поколениями ученых система знаний о вине в целом и умышленной вине, в частности, материалы судебно-следственной практики, данные официальной статистики и результаты экспертного опроса.

Цель и задачи исследования. Целью настоящего диссертационного исследования является создание авторской теоретической модели института вины в умышленных преступлениях.

Названная цель обусловила необходимость постановки и решения следующих задач:

- выявить философские основы уголовно-правовых знаний о вине и вине в умышленных преступлениях;
- изучить и критически оценить существующие в российской уголовно-правовой доктрине концепции вины;
- сформировать авторское воззрение на понятие вины в преступлениях;
- дать авторскую дефиницию вины;
- осуществить поиск генезиса института вины в умышленных преступлениях;
- проследить эволюцию института вины в умышленных преступлениях посредством изучения и анализа памятников права и научного наследия;
- изучить зарубежный опыт трактовки умышленной вины и выявить его позитивные черты в целях определения перспектив его использования в России;
- обобщить теоретические положения юридической науки и правоприменительной практики, способствующие формированию системы воззрений о вине в умышленных преступлениях;
- уточнить понятия видов умысла;
- разработать рекомендации по совершенствованию российского уголовного законодательства и правоприменительной практики в контексте феномена вины в умышленных преступлениях.

Методологическую основу диссертационного исследования составляют система философских воззрений на познаваемость явлений и процесс познания, а также комплекс общенаучных и частно-научных методов исследования: индукция и дедукция, анализ и синтез, формально-логический, логико-семантический, формально-юридический, историко-правовой, сравнительно-правовой, системно-структурный, конкретно-социологический, статистический и др.

Нормативно-правовая база диссертации. Научный труд основан на Конституции Российской Федерации 1993 г. и Уголовном кодексе Российской Федерации 1996 г. Для его создания привлечены 34 памятника российского права досоветского и советского периодов (от Русской Правды до УК РСФСР

1960 г.). В целях сравнительно-правового исследования интересующей проблемы изучено уголовное законодательство ряда зарубежных стран, входящих в различные правовые системы: романо-германскую (Германия, Франция, Испания, Италия, Австрия, Бельгия, Дания, Болгария, Польша, Аргентина), общую (Англия, Соединенные Штаты Америки, Австралия), право стран Дальнего Востока (Китайская Народная Республика, Япония, Республика Корея) и право стран Балтии и стран-участниц Содружества Независимых Государств (Латвийская, Литовская и Эстонская Республики; Республики Беларусь, Казахстан, Таджикистан, Узбекистан, Молдова; Азербайджанская Республика, Грузия, Украина).

Теоретической основой диссертационного труда служат:

– труды философов периодов от античности до Нового времени (Гераклит, Демокрит, Протагор, Сократ, Платон, Аристотель, Эпикур, Аврелий Августин, Фома Аквинский, Никколо Макиавелли, Иммануил Кант, Г.В.Ф. Гегель, Жан Поль Сартр, Артур Шопенгауэр, Фридрих Ницше, И.А. Ильин и др.) и современного периода (В.Г. Горбачев, Ф.А. Крахоткин, Н.С. Нарский, И.Д. Невважай, В.С. Нерсисянц, Н.Ф. Третьяков и др.);

– творческое наследие отечественных правоведов XIX – начала XX столетий (С.И. Баршев, А.Ф. Бернер, М.Ф. Владимирский-Буданов, Д.А. Дриль, В.В. Есипов, П.Д. Калмыков, А.Д. Киселев, А.Ф. Кистяковский, Г.Е. Колоколов, М. Косвен, И. Нейман, Н.А. Неклюдов, П.П. Пусторослев, А.К. фон Резон, Н.К. Ренненкампф, Росси, Н.Д. Сергеевский, Г.И. Солнцев, В.Д. Спасович, Н.С. Таганцев, Г. Тард, Г.С. Фельдштейн, И.Я. Фойницкий и др.);

– научные труды советских и зарубежных специалистов в области уголовного права (П.С. Дагель, Ю.А. Демидов, Г.А. Злобин, Д.П. Котов, И. Лекшас, В.Г. Макашвили, Б.С. Маньковский, А.Г. Микадзе, Б.С. Никифоров, С.В. Познышев, А.А. Пионтковский, А.И. Рарог, Т.Л. Сергеева, К.Ф. Тихонов, М.Г. Угрехелидзе, Б.С. Утевский, Б. Хорнабуджели и др.);

– научные труды российских и зарубежных специалистов в области уголовного права, изданные в постсоветский период (Е.В. Благов, Ю.И. Бытко, С.В. Векленко, Г.В. Верина, Д.А. Гарбатович, Р.Р. Галиакбаров, А.В. Гребенюк, С.В. Дубовиченко, В.В. Лунеев, А.И. Марцев, Р.И. Михеев, Г.В. Назаренко, А.В. Наумов, Т.Б. Недопекина, В.А. Нерсисян, И.В. Паньков, Д.П. Потапов, Б.Т. Разгильдиев, А.И. Рарог, С.В. Складов, Дж. Флетчер, Д.А. Чанышев, А.Ю. Ширяев, В.Ф. Щепельков, В.А. Якушин и др.);

– научные труды российских и зарубежных специалистов в области сравнительного правоведения (А.Г. Блинов, Л. Вельцель, Ю.А. Голик, Р. Давид, А.Э. Жалинский, К. Жоффре-Спинози, А.Г. Кибальник, Т.М. Клюканова, А.И. Коробеев, Н.Е. Крылова, Н.Ф. Кузнецова, А.А. Малиновский, Н.П. Мелешко, Н.А. Морозов, А. Рерихт, Е.Г. Тарло и др.).

Эмпирической базой диссертации являются данные, полученные в результате выборочного изучения и обобщения опубликованных и архивных материалов 217 уголовных дел о преступлениях против личности и преступлениях

против собственности, рассмотренных судами Амурской, Брянской, Воронежской, Курганской, Московской, Саратовской и Свердловской областей, Республика Башкортостан, Бурятия, Мордовия за период с 2005 по 2015 гг., данные официальной статистики Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, сведения (за 2013 – 2015 гг.) Главного информационно-аналитического центра МВД РФ, постановления Пленума Верховного Суда РФ по вопросам толкования отдельных уголовно-правовых норм об умышленных преступлениях.

Теоретические выводы и практические предложения базируются также на результатах экспертного опроса 33 ученых-юристов, 35 практических работников (следователей, прокуроров, судей) и 62 студентов высших учебных заведений Саратовской области, обучающихся по специальности «Юриспруденция».

Научная новизна диссертационного исследования заключается в том, что его автором проведено первое комплексное монографическое исследование проблемы вины в умышленных преступлениях с точки зрения психолого-оценочной концепции вины и разработана теоретическая модель института вины в умышленных преступлениях на базе системно-комплексного сочетания философских основ данного феномена, эволюции отечественного законодательства и научной юридической мысли, зарубежного опыта и правоприменительной практики, а также в самой постановке проблемы под новым углом зрения (в диссертации речь идет не об умышленной вине, а о вине в умышленных преступлениях) и путях ее решения, новом концептуальном подходе к трактовке вины.

Авторские дефиниции прямого и косвенного умыслов имеют своей целью не только развитие теоретических представлений о данных видах вины, но и ориентированы на сокращение дистанции между теорией и правоприменительной практикой.

Научная новизна диссертационного исследования находит свое отражение также в основных **положениях, вынесенных на публичную защиту**:

1. Философские категории и понятия «воля», «намерение», «стремление», «страсть», «внезапные, произвольные и преднамеренные действия», «упречное» и «безупречное» поведение, «злоумышление» могут экстраполироваться на уголовно-правовую систему знаний о вине и вине в умышленных преступлениях.

2. Этапы эволюции института вины в умышленных преступлениях: досоветский, советский и постсоветский. Досоветская эпоха развития института вины в умышленных преступлениях включает три периода: 1) период Русской Правды, 2) период Московского государства и 3) период Империи.

3. Особенности и тенденции исторического развития института вины в умышленных преступлениях в досоветскую эпоху на законодательном уровне:

а) зачатки понимания умысла и умышленной вины формируются в период мести и частных композиций (период Русской Правды), несмотря на господство в древнерусском праве объективного вменения. Понятие вины использовалось в двух аспектах: 1) наказания и 2) вины в поступке (Пространная редакция

Устава князя Ярослава о церковных судах). Таким образом, генезис института вины в умышленных преступлениях можно датировать XI веком;

б) субъективные признаки преступления, его психологическое содержание находили отражение в законодательной базе русского уголовного права периода развития Московского государства, что подтверждается терминологией «внутренняя оценка нравственной испорченности», «кто учнет мыслить», «умысел несвободного человека» и др. Особую значимость представляет Соборное Уложение 1649 г., в котором законодатель различал простой и злой умыслы. Таким образом, в данном памятнике права институт вины в умышленных преступлениях получил более совершенное юридическое оформление;

в) наибольший расцвет институт умышленной вины получил в период Российской империи, что обусловлено уровнем развития уголовного права и в целом самого государства.

4. Особенности и тенденции исторического развития института вины в умышленных преступлениях в досоветскую эпоху на доктринальном уровне:

а) авторы научных трудов начала XIX в. выделяли неумышленные и умышленные преступления, преступления, учиненные с намерением и без такового (И. Нейман, Г.И. Солнцев);

б) в 1840-е годы развития уголовно-правовой мысли умысел определялся как форма внешнего проявления преступления (С.И. Баршев);

в) в 50-е гг. XIX столетия наблюдался постепенный, хотя достаточно болезненный, отход от понимания умысла как частного случая внешнего проявления преступления (воззрения В.Д. Спасовича);

г) в уголовном праве в 60-е гг. XIX в. умысел рассматривался под углом зрения степени глубины и решимости преступной воли (А.Ф. Бернер, П.Д. Калмыков);

д) в 80-е – 90-е гг. XIX в. (преддверие и период действия Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г.) в научных трудах (А.Ф. Кистяковский, В.В. Есипов) прослеживалась корреляционная связь между умышленной виной и прямым умыслом;

е) сформировавшаяся в начале XX столетия система знаний о вине включала следующие постулаты:

– понятие умышленной вины охватывает внутреннее состояние личности (А.Д. Киселев);

– преступление в субъективном отношении есть деятельность психического свойства (Г.С. Фельдштейн);

– вина есть не только виновность физическая, но и виновность психическая, означающая наличность умысла или неосторожности (Н.С. Таганцев);

– вина представляет собой не только внутренние процессы, происходящие в самом деятеле преступления, но и проявление этих внутренних процессов во вне, в деятельности человека (Д.А. Дриль);

– умысел рассматривался как одно из проявлений вины;

ж) одна из примечательных черт уголовно-правовой теории вины досоветского периода — выделение понятия «злой умысел», которое своими корнями уходит в философские воззрения (например, Г.Е. Колоколов).

5. Советский период развития института вины и вины в умышленных преступлениях имел следующие характерные черты:

а) в первых декретах советской власти (от 14 ноября 1917 г. «Положение о рабочем контроле», от 8 мая 1918 г. «О взяточничестве», от 22 июля 1918 г. «О спекуляции» и др.) вина рассматривалась как одна из важнейших уголовно-правовых категорий.

Словосочетание декретов «виновные в ...» (далее шло описание преступления) имеет преимущества следующего характера: во-первых, вина — важнейшее условие уголовной ответственности; во-вторых, наказывается физическое виновное лицо, а не преступление; в-третьих, есть основание рассматривать его как предтечу принципа вины;

б) в первые годы существования советского права была востребована оценочная теория вины, решение вопроса о вине основывалось на внутренней оценке судом совокупности обстоятельств по уголовному делу. Данные идеи были заложены в Положении о полковых судах (декрет СНК от 10 июля 1919 г.), продолжало также сохраняться влияние законодательства и научных воззрений досоветского периода уголовного права России;

в) в Руководящих началах по уголовному праву (Постановление НКЮ от 12 декабря 1919 г.) присутствовало косвенное указание на формы вины: при определении меры наказания в каждом отдельном случае рекомендовалось различать, совершено ли деяние в сознании причиненного вреда или по невежеству и неосознанности, обнаружено ли совершающим деяние заранее обдуманное намерение, совершено ли деяние в состоянии запальчивости (пункты «в» и «з» ст. 12);

г) понятие вины, начиная с 1919 г., поступательно выхолащивалось из российского закона. В нормативно-правовых актах (Постановление НКЗдрава и НКЮ от 18 ноября 1920 г. «Об охране здоровья женщины» и др.) наряду с термином «кто» использовался термин «виновный». Употребление термина «кто» вместо термина «виновный» — свидетельство отступления от принципа вины, хотя вполне оправдано с позиции персональной ответственности.

В теории данного периода пропагандировалась мысль о том, что умысел и неосторожность не могут быть связаны с понятием вины в советском социалистическом уголовном праве (А.А. Пионтковский);

д) в период Великой Отечественной войны (1941 — 1945 гг.) понятие «виновный» было востребовано законодателем (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 2 мая 1943 г. «Об ответственности за незаконное награждение орденами и медалями СССР и нагрудными знаками, за присвоение орденов, медалей и нагрудных знаков и передачу их награжденными лицами другим лицам»);

е) в уголовно-правовой литературе послевоенных лет вина рассматривалась не только в качестве умысла или неосторожности, но и субъективного основания уголовной ответственности (Т.Л. Сергеева);

ж) в период действия УК РСФСР 1960 г. понятие умышленной вины формировалось и развивалось в системе воззрений на вину как психического отношения лица к совершаемому им общественно опасному деянию и его общественно опасным последствиям (П.С. Дагель, Ю.А. Демидов, Г.А. Злобин, А.И. Парог и др.);

з) венцом советского нормотворчества явились Основы уголовного законодательства Союза ССР и республик 1991 г., закрепившие деление умысла на прямой и косвенный, самостоятельные дефиниции преступлений, совершенных с прямым или косвенным умыслом.

6. Зарубежный опыт (с учетом различных правовых систем) трактовки вины в умышленных преступлениях имеет следующие особенности:

а) *романо-германская (континентально-европейская) правовая система:*

– лаконичность уголовного законодательства в вопросе регламентации вины в умышленных преступлениях: умысел называется, но не раскрывается (ФРГ, Австрия, Франция, Испания, Италия, Дания и др.);

– видами умысла законодательство и теория признают: преднамеренность, предумышленность, при которых доминирует воля; прямой умысел, при котором доминирует знание, и косвенный (эвентуальный) умысел (ФРГ); умысел, намеренность и осознанность (Австрия); прямой умысел и степени вины в умышленном преступлении: 1) предумышленность; 2) умысел, возникший в результате провокации; 3) неопределенный умысел; 4) претеринтенционный умысел и 5) косвенный умысел (Франция); прямой умысел, намерение и претеринтенционный умысел (Италия);

– в уголовном законодательстве Бельгии вопрос о вине и ее проявлениях преломляется через призму ответственности физического лица в рамках ответственности лица юридического, назначения наказания по совокупности преступлений и через призму конкретных составов преступлений. Видами умышленной вины признаются «преступное намерение» и осознанность;

– бывшие социалистические европейские страны (Республика Болгария, Республика Польша) сохранили в своем уголовном законодательстве влияние советского уголовного права;

б) для *общего права (англосаксонской правовой системы)* характерны:

– многоаспектность понятия вины «mens rea»: аморальный мотив, порочная воля, злой разум и т.п.;

– аналогом умысла являются понятия «намерение» (intent) (Англия, США) и «осознанность» («заведомость») (США, Австралия);

в) *право стран Дальнего Востока:*

– для правовой регламентации умысла странами Дальнего Востока характерно как наличие (КНР), так и отсутствие понятий или определений умысла в уголовном законодательстве (Республика Корея, Япония);

– в китайской законодательной дефиниции умысла (ст. 14 УК КНР) присутствуют и интеллектуальный, и волевой компоненты вины; на первый план выдвинуто сознание общественно опасного характера деяния; указание на предвидение общественно опасного последствия отсутствует;

– уголовное законодательство Республики Корея использует термин «умышленно» без разъяснения его сущности; понятие «умысел» для него не характерно;

– в уголовном законодательстве Японии используется понятие «умысел», но не раскрывается;

г) *правовая система стран-участниц Содружества Независимых Государств и Балтии:*

– в уголовном законодательстве стран-участниц СНГ и Балтии сохранены традиции советской школы уголовного права; определения прямого и косвенного умыслов мало, чем отличаются от оных в российском законодательстве и российской теории вины советского и современного периодов;

– в уголовном законодательстве даны дефиниции вины с точки зрения психологической концепции (Латвия, Белоруссия и Украина). Нормотворческий опыт дефинирования вины представляется позитивным;

– характерен дифференцированный подход к определению прямого и косвенного умыслов с учетом конструкции состава преступления (формальный или материальный), из которого следует вывод о невозможности косвенного умысла в формальных составах преступлений (УК Литовской Республики, УК Республики Беларусь);

– специфика законодательного определения видов умысла в отдельных странах заключается в использовании понятий «противоправность» (УК Грузии) и «вредоносность» (УК Республики Молдовы).

В Уголовном кодексе Эстонской Республики (ст. 8) в формулировках прямого и косвенного умыслов присутствует некая «размытость»: 1) указывая на осознание характера и значения действия (бездействия), законодатель не уточняет их свойств — общественную опасность, вредоносность и т.д.; 2) весьма обтекаемо законодатель говорит о качественной характеристике предвиденных последствий, используя термин «определенные».

7. Развитие учения о вине в российской уголовно-правовой науке происходило через трактовку вины как одной из составляющей преступного деяния, важнейшего понятия уголовного права, от отождествления данного понятия с субъективной стороной преступления к признанию вины явлением внешнего мира, причинной связью, отказу от вины как субъективного признака преступления, через бурные дискуссии о сущности вины и ее назначении вновь к пониманию вины как важнейшего признака субъективной стороны преступления.

8. Основные тенденции современного этапа развития учения о вине в России:

а) учение о вине развивается по эволюционному пути;

б) в российской уголовно-правовой науке наблюдается плюрализм мнений ученых по данной проблеме: наряду с психологической теорией вины востребованы оценочная и психолого-оценочная концепции;

в) продолжается дискуссия сторонников психологической и оценочной концепций вины;

г) ученые предпринимают серьезные шаги по сближению различных взглядов на понятие вины;

д) психологическая концепция вины продолжает сохранять доминирующие позиции;

е) теоретики уголовного права предлагают наполнить содержание вины нравственным аспектом;

ж) понятие вины отдельными учеными рассматривается во взаимосвязи с категорией «справедливость».

9. Система воззрений о вине в преступлениях как результат проведенного исследования:

а) феномену вины свойственна полисемичность: вина — это не только внутренняя составляющая преступления, но и проявление внутреннего состояния преступника во вне (в объективном мире);

б) вина — психолого-оценочное понятие, выступающее связующим звеном объективных и субъективных признаков преступления; вместе с тем вина, как бы, стоит над преступлением, отсюда логично сделать вывод: преступление как некая данность может существовать в объективном мире, а вина в полном объеме — еще нет;

в) вина имеет двуединое начало: 1) внутренняя составляющая преступления, ядро его субъективной стороны, находящая воплощение в умысле или неосторожности, и 2) внешняя «субстанция» в виде отрицательной оценки суда от имени государства осознанно-волевого отношения лица к совершаемому им общественно опасному деянию и его общественно опасному последствию;

г) основание возникновения вины — совершенное лицом преступление;

д) содержание вины наполнено объективными и субъективными признаками преступления;

е) вина в преступлении — социальное зло, проявление безнравственного поведения;

ж) авторская дефиниция вины в преступлениях: вина — это осознанно-волевое отношение лица к совершаемому им общественно опасному деянию и его общественно опасному последствию, выраженное в форме умысла или неосторожности, получившее отрицательную оценку от имени государства.

10. Система воззрений о вине в умышленных преступлениях, сформированная в результате проведенного исследования:

а) умысел, являясь обязательным субъективным признаком преступления, выступает частным проявлением внутренней составляющей преступления, частным проявлением вины как ядра субъективной стороны преступления;

б) вина в умышленных преступлениях имеет и свою внешнюю «оболочку», находящую выражение в отрицательной оценке судом от имени государст-

ва осознанно-волевого отношения лица к совершаемому им общественно опасному деянию и его общественно опасному последствию, имеющего свою определенную специфику в различных вариациях умысла;

в) вина в умышленных преступлениях — наивысшее социальное зло, наивысшее проявление безнравственного поведения;

г) злонамеренность — качественное свойство вины в умышленных преступлениях;

д) основание возникновения умышленной вины — совершенное лицом злонамеренное преступление;

е) авторская дефиниция вины в умышленных преступлениях: вина в умышленных преступлениях — это осознанно-волевое отношение лица к совершаемому им общественно опасному деянию и его общественно опасному последствию, выраженное в форме прямого или косвенного умысла, получившее отрицательную оценку от имени государства.

11. Предложения по совершенствованию российского уголовного законодательства:

а) в ч. 1 ст. 24 УК РФ закрепить следующую дефиницию вины: «Вина — это осознанно-волевое отношение лица к совершаемому им общественно опасному деянию и его общественно опасному последствию, выраженное в форме умысла или неосторожности, получившее отрицательную оценку от имени государства»;

б) ч. 2 ст. 25 УК РФ изложить в следующей редакции: «При прямом умысле лицо осознает общественную опасность своих действий (бездействия), предвидит реальную возможность наступления общественно опасных последствий и желает их наступления»;

в) ч. 3 ст. 25 УК РФ сформулировать следующим образом: «При косвенном умысле лицо осознает общественную опасность своих действий (бездействия), предвидит реальную возможность наступления общественно опасных последствий, не желает, но сознательно допускает эти последствия либо относится к ним безразлично».

г) избранный законодателем способ демонстрации формы вины в конкретных составах преступлений не отвечает принципу вины и лишь отдаленно напоминает и фрагментарно отражает им же данное понимание преступлений, совершенных с прямым или косвенным умыслом. Поэтому конструкциям всех уголовно-правовых норм Особенной части УК РФ целесообразно придать следующую форму: «Лицо, виновное в совершении (далее идет описание преступления), — наказывается ...».

12. Обоснованы выводы и рекомендации по правоприменительному блоку диссертационного исследования:

а) правоприменительное описание вины в умышленных преступлениях лишь отдаленно напоминает законодательные и доктринальные дефиниции;

б) в приговорах судов вид умысла не конкретизируется (несмотря на то, что законодатель в ч. 2 и 3 ст. 25 УК РФ выделяет прямой и косвенный умыслы);

в) традиционно в приговорах судов отсутствует анализ интеллектуальных и волевых моментов прямого и косвенного умыслов. Однако важно подчеркнуть, он затруднен и в силу сложности законодательной конструкции данных уголовно-правовых категорий, новые дефиниции которых нами предложены выше;

г) судебную практику предлагаем скорректировать в следующем направлении:

- в обвинительных приговорах судам следует конкретизировать вид умысла (прямой или косвенный);

- интеллектуальные и волевые моменты прямого и косвенного умыслов должны подлежать обязательному анализу в приговоре суда;

- правоприменительное описание вины в умышленных преступлениях должно строго соответствовать законодательным конструкциям.

Теоретическая и практическая значимость диссертационного труда заключается в развитии и дополнении научных знаний о вине и вине в умышленных преступлениях. Разработанные в результате проведенного исследования положения и выводы сформировали авторскую теоретическую модель института вины в умышленных преступлениях. Содержащиеся в диссертации суждения, положения и выводы могут быть востребованы в конструктивных научных дискуссиях, способствующих дальнейшему исследованию института вины в умышленных преступлениях, в процессе преподавания курса уголовного права в высших учебных заведениях, подготовке научных, учебных и учебно-методических изданий. Разработанные автором дефиниции и рекомендации могут быть использованы в законотворческой и правоприменительной деятельности.

Апробация результатов исследования. Диссертация выполнена на кафедре уголовного и уголовно-исполнительного права ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», осуществлявшей ее рецензирование и обсуждение. Основные выводы и положения диссертационного исследования излагались автором на научных и научно-практических конференциях по проблемам уголовного права, среди которых: VI Международная научно-практическая конференция «Современные тенденции развития юридической науки и правоприменительной практики» (Волго-Вятский институт (филиал) Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Киров, 19 – 20 апреля 2013 г.); Всероссийская научно-практическая конференция (с международным участием) «Сравнительный анализ законодательства Российской Федерации и зарубежных стран» (Волгоградская академия МВД России, г. Волгоград, 23 – 24 мая 2013 г.); Международная научно-практическая конференция, посвященная 20-летию Конституции Российской Федерации «Конституция Российской Федерации — правовая основа развития современной российской государственности» (VI Саратовские правовые чтения, Саратовская государственная юридическая академия, г. Саратов, 19 – 20 сентября 2013 г.); V Международная заочная научно-практическая конференция «Уголовное право в эволюционирующем обществе» (Юго-Западный государственный университет, г. Курск, 15 – 16 июня

2014 г.); XII Международная научно-практическая конференция «Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики»; АПНП – 2015; (Волжский университет им. В.Н. Татищева, г. Тольятти, 16 – 17 апреля 2015 г.); Всероссийская научно-практическая конференция «Правовые и нравственные аспекты обеспечения безопасности личности и государства на современном этапе политических и экономических санкций» (Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова, г. Чебоксары, 15 апреля 2016 г.); Всероссийская ежегодная научная студенческая конференция «Актуальные проблемы реформирования современного законодательства Российской Федерации» (Саратовская государственная академия права, г. Саратов, 16 апреля 2010 г.).

По теме диссертации опубликовано 13 научных работ, из них 4 — в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК при Министерстве образования и науки Российской Федерации и включенных в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций.

Высказанные в опубликованных научных работах предложения по совершенствованию уголовного законодательства учтены при принятии Федерального закона от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности».

Результаты диссертационного исследования используются в учебном процессе Саратовской государственной юридической академии.

Структура и объем диссертации обусловлены объектом, целью и задачами исследования. Она включает введение, четыре главы, объединяющие восемь параграфов (каждая глава представлена двумя параграфами, что подчеркивает стройность структуры работы), заключение, список используемых источников и приложения.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** автор обосновывает актуальность темы диссертационного исследования, показывает степень ее научной разработанности, определяет объект, предмет, цель и задачи, дает характеристику методологической основы, нормативно-правовой, теоретической и эмпирической баз данного исследования, его научной новизны, формулирует положения, вынесенные на защиту, приводит сведения об апробации результатов проведенного исследования, обозначает структуру работы.

Глава I «Вина в преступлениях: философско-правовой аспект проблемы» посвящена выявлению и обоснованию философских основ уголовно-правового учения о вине в целом и, в частности, вине умышленной, определению состояния данного учения и его основных тенденций эволюции на современном этапе.

В § 1 «Философская основа уголовно-правовых воззрений на вину в преступлениях» обосновывается мысль о том, что философская система воззрений

позволяет рассматривать вину и вину в умышленных преступлениях как явления познаваемые и исторически изменчивые, доказывающаяся необходимость выделения и значимость философских основ уголовно-правового феномена вины и вины в умышленных преступлениях.

Взгляд на проблему вины формировался со времен древней античности, когда философы задумывались о смысле вины, о нравственной составляющей ее содержания, когда вина неразрывно связывалась с нарушением моральных норм, чувством ответственности за совершенный проступок. Понятия «намеренное нарушение норм», «проступок», «неправильное поведение», «невольная вина» и «трагическая вина», выработанные античными философами (Демокрит, Протагор и др.) могли служить прототипом умысла, неосторожности и невиновного причинения вреда в уголовно-правовой трактовке.

Аристотель выделял такие понятия, как «воля», «намерение», «стремление», «страсть», «внезапные, произвольные и преднамеренные действия» и устанавливал между ними корреляцию. Намерение, отмечал мыслитель, по преимуществу связано с добродетелью и по нему лучше, чем по действию судить о характере. Внезапные действия он называл произвольными, но не преднамеренными; различал намерение и стремление.

Философы придавали большое значение степеням вины (Аристотель, Н. Макиавелли и др.). Выделением понятия «злой умысел» они указывали на различную степень общественной опасности видов вины.

Признание христианством «вины» и «виновности» оценкой поведения как «упречного» или «безупречного» имеет большое значение для уголовно-правовой трактовки вины (виновности): во-первых, оно свидетельствует о тождестве данных понятий; во-вторых, о наличии в вине оценочной составляющей и, в-третьих, о нравственном присутствии. Постулат христианского учения о том, что «лицо не может нести ответственность только за факт причинения вреда, необходимо еще установить характер его психического отношения к содеянному», во многом обусловили формирование психологической концепции вины. Христианские религиозные воззрения признавали прямой умысел, который определяли терминами «злоумышление» и «намерение».

По Гуго Гроцию, все люди по природе своей склонны владеть и действовать.

Иммануил Кант рассматривал понятие вины с позиции учения о долге, некоей шкале его исполнения. Виновность, полагал философ, состоит не только в поступках, имевших злые последствия, но и в поступках, не имевших видимых злых последствий, но совершенных не ради долга. Суждение Г.В.Ф. Гегеля о том, что вина есть оценка факта совершения деяния, внешнее осуждение этого деяния, важно для оценочной концепции вины.

Состояние правосознания, писал И.А. Ильин, оказывает влияние на виновность или невиновность человека, изначально служа условием совершения или несовершения преступления или иного волевого поступка.

Теория абсолютной свободы оказала влияние на формирование в науке уголовного права взгляда на виновность как на «дефект воли» (Н.С. Таганцев),

а также позволила выработать мнение о том, что внутреннее состояние личности создается свободой воли: злая воля, противопоставляясь воле доброй, рассматривалась как единственная причина преступлений; человек, совершавший какое-либо преступное деяние, считался проникнутым злой волей (И.Я. Фойницкий).

В § 2 «Дискуссия о понятии вины в российской уголовно-правовой науке» отмечается, что актуализация проблемы вины во многом обусловлена сложностью данного явления и плюрализмом концепций, среди которых учеными наиболее активно обсуждаются: психологическая (С.В. Векленко, Р.Р. Галиакбаров, А.В. Наумов, А.И. Рарог, В.Я. Якушин и др.), оценочная (С.В. Складов) и психолого-оценочная (Ю.И. Бытко, Г.В. Верина, Д.А. Гарбатович, Т.Б. Недопекина и др.). Данные концепции проанализированы и конструктивно критически оценены.

Проведенный автором экспертный опрос ученых показал, что сторонниками психолого-оценочной концепции вины являются: 1) доктора юридических наук: Б.Т. Разгильдиев, Ю.И. Бытко, Г.В. Верина и др. и 2) кандидаты юридических наук: Е.В. Евстифеева, Е.В. Кобзева, М.М. Лапунин, Н.И. Насиров, Е.В. Пономаренко, Р.А. Севостьянов, Е.В. Христофорова, О.В. Шляпкина и др. Из 35 респондентов — практических работников (следователи, прокуроры, судьи) 19 признали психолого-оценочную концепцию вины отвечающей потребностям правоприменительной деятельности, 12 экспертов данной группы одобрительно отнеслись к оценочной концепции вины, в то время как психологическую концепцию вины наиболее правильной признали только 4 человека. Среди студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности «Юриспруденция», 56 человек (опрошено 62 студента) признали психолого-оценочную концепцию вины наиболее убедительной.

Разделяя психолого-оценочную концепцию вины, соискатель отмечает, что выводы о виновности суд делает на основе оценки всех объективных и субъективных обстоятельств, характеризующих преступление и преступника. Чтобы ответить на вопрос, сознавало ли лицо общественно опасный характер деяния, предвидело ли общественно опасные последствия либо могло и должно было их предвидеть, необходимо выяснить уровень интеллекта личности, его знаний, навыков, его опыт и т.д. и сопоставить все это с событиями происшедшего, т.е. произвести соответствующую оценку. Автор считает, что умысел или неосторожность необходимы, но не достаточны для признания лица виновным в совершении преступления. Для этого еще необходима отрицательная оценка от имени государства осознанно-волевого отношения лица к совершенному преступлению.

Диссертантом разработана дефиниция вины, которую предложено закрепить в ч. 1 ст. 24 УК РФ: «Вина — это осознанно-волевое отношение лица к совершаемому им общественно опасному деянию и его общественно опасному последствию, выраженное в форме умысла или неосторожности, получившее отрицательную оценку от имени государства».

В подведении итогов дискуссии о понятии вины констатируется, что учение о вине развивается по эволюционному пути. Среди основных тенденций современного этапа развития учения о вине выделены следующие: 1) в российской уголовно-правовой науке наблюдается плюрализм мнений ученых по данной проблеме; 2) наряду с психологической теорией вины востребованы оценочная и психолого-оценочная концепции; 3) продолжается дискуссия сторонников психологической и оценочной концепций вины; 4) ученые предпринимают серьезные шаги по сближению различных взглядов на понятие вины; 5) психологическая концепция вины продолжает сохранять доминирующие позиции; 6) теоретики уголовного права предлагают наполнить содержание вины нравственным аспектом; 7) понятие вины рассматривается во взаимосвязи с категорией «справедливость».

Глава 2 «Вина в умышленных преступлениях: российское уголовное законодательство и уголовно-правовая теория в историческом развитии» состоит из двух параграфов.

В § 1 *«Становление и эволюция понятия вины в умышленных преступлениях в российском уголовном законодательстве и уголовно-правовой теории досоветского периода»* подчеркивается значимость исследования исторического аспекта проблемы вины в умышленных преступлениях для ее комплексного познания и создания новой теоретической модели.

В эволюции института вины в умышленных преступлениях выделены три этапа: досоветский, советский и постсоветский. Досоветский этап включает три периода: 1) период Русской Правды, 2) период Московского государства и 3) период Империи.

В диссертации выявлены и аргументированы особенности и тенденции исторического развития института вины в умышленных преступлениях в досоветскую эпоху на законодательном и доктринальном уровнях.

Несмотря на господство объективного вменения в древнерусском праве, зачатки понимания умысла и вины в умышленных преступлениях начали формироваться в период мести и частных композиций (период Русской Правды), иными словами, в древнерусском праве появляется некий пролог умышленной вины. Понятие вины также употреблялось в двух аспектах: 1) наказания и 2) вины в поступке (Пространная редакция Устава князя Ярослава о церковных судах). С учетом данных обстоятельств автор пришел к выводу, что генезис института вины в умышленных преступлениях можно датировать XI веком.

Законодательная база русского уголовного права периода развития Московского государства была наполнена такой терминологией, как: «внутренняя оценка нравственной испорченности», «кто учнет мыслить», «умысел несвободного человека» и др. Это дало основание предположить, что в законодательных актах данного периода, в частности Соборном Уложении 1649 г., институт вины в умышленных преступлениях получил более совершенное юридическое оформление по сравнению с предшествовавшими памятниками права.

Наибольший расцвет институт умышленной вины получил в период Российской империи, что обусловлено уровнем развития уголовного права и в целом самого государства.

В истории науки российского уголовного права можно выделить период (преддверие и время действия Уложения о наказаниях уголовных и исправительных издания 1885 г.), когда умышленная вина ограничивалась прямым умыслом.

Авторы научных трудов начала XIX в. выделяли неумышленные и умышленные преступления, преступления, учиненные с намерением и без такового (И. Нейман, Г.И. Солнцев). В 1840-е гг. развития уголовно-правовой мысли умысел определялся как форма внешнего проявления преступления (С.И. Баршев). В 50-е гг. XIX столетия наблюдается постепенный, хотя достаточно болезненный, отход от толкования умысла как частного случая внешнего проявления преступления (В.Д. Спасович). 60-е гг. XIX в. ознаменовались тем, что умысел в уголовном праве рассматривался под углом зрения степени глубины и решимости преступной воли (А.Ф. Бернер, П.Д. Калмыков). В рассуждениях А.Ф. Кистяковского (1882 г.), В.В. Есипова (1898 г.) отчетливо просматривается корреляционная связь между умышленной виной и прямым умыслом. Научное суждение А.Д. Киселева о том, что «понятие умышленной вины охватывает внутреннее состояние личности» (1903 г.), имело огромное значение для формирования учения о вине, ее формах и видах и в современный период продолжает оставаться значимым для исследования вины в умышленных преступлениях. Одна из заслуг Г.С. Фельдштейна в развитии института вины в умышленных преступлениях заключается в том, что в субъективном отношении он рассматривал преступление как деятельность психического свойства.

В начале XX столетия сформировалась концепция вины не только как виновности физической, но и виновности психической — наличность или умысла, или неосторожности (Н.С. Таганцев), как внутренних процессов, происходящих в самом деятеле преступления, и проявление этих внутренних процессов во вне, в деятельности человека (Д.А. Дриль). Умысел рассматривался как одно из проявлений вины.

Одна из примечательных черт уголовно-правовой теории вины досоветского периода — выделение понятия «злой умысел» (Г.Е. Колоколов и др.).

В § 2 *«Нормативно-правовое и доктринальное понимание вины в умышленных преступлениях в советский период развития российского уголовного права»* отмечается, что с самых первых дней установления советской власти в России законодатель уделял внимание понятию вины.

В первых декретах советской власти (от 14 ноября 1917 г. «Положение о рабочем контроле», от 8 мая 1918 г. «О взяточничестве», от 22 июля 1918 г. «О спекуляции» и др.) вина рассматривалась как одна из важнейших уголовно-правовых категорий. Употребляемая в декретах формулировка «виновные в ...» (далее шло описание преступления) имеет преимущества следующего характера: во-первых, вина — важнейшее условие уголовной ответственности, во-вторых, наказывается физическое виновное лицо, а не преступление, в-третьих,

такую формулировку есть основание рассматривать как предтечу принципа вины.

Идеи о том, что решение вопроса о вине основывается на внутренней оценке судом совокупности обстоятельств по уголовному делу, заложенные в Положении о полковых судах (декрет СНК от 10 июля 1919 г.), свидетельствуют о востребованности оценочной теории вины в первые годы существования советского права. Вместе с тем в нем было сохранено влияние законодательства и научных воззрений досоветского периода уголовного права России.

Начиная с 1919 г., понятие вины поступательно выхолащивалось из российского закона. В нормативно-правовых актах (Постановление НКЗдрава и НКЮ от 18 ноября 1920 г. «Об охране здоровья женщины» и др.) наряду с термином «кто» использовался термин «виновный». Употребление термина «кто» вместо термина «виновные» — свидетельство отступления от принципа вины, хотя вполне оправдано с позиции персональной ответственности.

В теории данного периода пропагандировалась мысль о том, что умысел и неосторожность не могут быть связаны с понятием вины в советском социалистическом уголовном праве (А.А. Пионтковский).

В Руководящих началах по уголовному праву (Постановление НКЮ от 12 декабря 1919 г.) присутствовало косвенное указание на формы вины: при определении меры наказания в каждом отдельном случае рекомендовалось различать, совершено ли деяние в сознании причиненного вреда или по невежеству и неосознанности, обнаружено ли совершающим деяние заранее обдуманное намерение, совершено ли деяние в состоянии запальчивости (пункты «в» и «з» ст. 12).

В годы (1941 – 1945) Великой Отечественной войны законодателем было востребовано понятие «виновный» (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 2 мая 1943 г. «Об ответственности за незаконное награждение орденами и медалями СССР и нагрудными знаками, за присвоение орденов, медалей и нагрудных знаков и передачу их награжденными лицами другим лицам»).

В уголовно-правовой литературе послевоенных лет вина рассматривалась не только в качестве умысла или неосторожности, но и субъективного основания уголовной ответственности (Т.Л. Сергеева).

В период действия УК РСФСР 1960 г. понятие умышленной вины формировалось и развивалось в системе воззрений на вину как психического отношения лица к совершаемому им общественно опасному деянию и его общественно опасным последствиям.

Основы уголовного законодательства Союза ССР и республик 1991 г. закрепили деление умысла на прямой и косвенный, самостоятельные дефиниции преступлений, совершенных с прямым или косвенным умыслом.

В главе III «Зарубежный опыт трактовки вины в умышленных преступлениях» подчеркивается, что в современный период система отечественного права, несмотря на ее богатый опыт и самобытность, не может развиваться изолированно от других правовых систем. Поэтому одной из задач диссертационного исследования стало изучение зарубежного опыта трактовки вины в

умышленных преступлениях. Познание сие осуществлено с целью возможного учета приемлемых для российского уголовного законодательства положений либо критического их осмысления. Данная глава включает в себя два параграфа: § 1 «Зарубежный законодательный и научный опыт толкования вины в умышленных преступлениях» и § 2 «Компаративистский аспект трактовки умысла в уголовном законодательстве России и отдельных зарубежных стран».

Проанализировав в § 1 зарубежный законодательный и научный опыт толкования вины в умышленных преступлениях с учетом романо-германской (континентальной), англосаксонской (общее право) правовых систем, права стран Дальнего Востока, правовой системы стран-участниц Содружества Независимых Государств и Балтии, автор выявил следующие его характерные черты:

- немецкая доктрина видит сущность вины в нормативной оценке психического состава деяния. В вопросе регламентации вины в умышленных преступлениях Уголовный кодекс ФРГ весьма лаконичен, он не содержит определения умысла и умышленного преступления. Данные вопросы разрабатывает теория уголовного права и судебная практика;

- уголовное законодательство Австрии закрепляет умысел, намеренность, осознанность (§ 5 УК) в качестве разновидностей умышленной вины;

- в УК Франции понятие умысла присутствует, но не раскрывается. Доктрина выделяет прямой умысел и степени вины в умышленном преступлении: 1) предумышленность; 2) умысел, возникший в результате провокации; 3) неопределенный умысел; 4) претеринтенционный умысел и 5) косвенный умысел;

- в уголовном законодательстве Испании отсутствуют дефиниции вины и ее форм, вместе с тем ему не чужды понятия «виновный», «умысел», «неосторожность»;

- по итальянскому уголовному праву вина есть психологический элемент преступления. Видами умышленной вины признаются прямой умысел, намерение (ст. 43 УК Италии), а также претеринтенционный умысел;

- в Уголовном кодексе Бельгии вопрос о вине и ее проявлениях преломляется через призму ответственности физического лица в рамках ответственности лица юридического, назначения наказания по совокупности преступлений и через призму конкретных составов преступлений. Из видов умышленной вины названы «преступное намерение» (ст. 65 гл. VI книги I) и осознанность (ст. 116 гл. II разд. I книги II);

- в уголовном законе Дании упоминаются слова и словосочетания: преступный умысел, сила и стойкость преступного умысла, умышленное преступление, неумышленное последствие и др.;

- в уголовном законодательстве Латвии, Белоруссии и Украины даны дефиниции вины с точки зрения психологической концепции. Нормотворческий опыт дефинирования вины представляется позитивным;

- в уголовном законодательстве стран Балтии востребована психологическая концепция вины. Из форм вины признаются умысел и неосторожность,

умысел подразделяется на прямой и косвенный. Все это свидетельствует о сохранении традиций советской школы уголовного права. Спецификой решения вопроса о видах умысла литовским законодателем является дифференцированный подход к определению прямого умысла с учетом конструкции состава преступления — формальный или материальный — (ст. 15 УК Литовской Республики), из которого следует вывод о невозможности косвенного умысла в формальных составах преступлений.

По уголовному законодательству Эстонской Республики в формулировках прямого и косвенного умыслов присутствует некая «размытость»: 1) указывая на осознание характера и значения действия (бездействия), законодатель не уточняет их свойств — общественную опасность, вредоносность и т.д.; 2) весьма обтекаемо говорит о качественной характеристике предвиденных последствий, используя термин «определенные»;

– в УК Республики Беларусь определения прямого и косвенного умыслов представлены через понятия преступлений, совершенных с данными видами вины (использован тот же технический прием, что и в российском уголовном законе). Белорусский законодатель решил вопрос присутствия косвенного умысла только в материальных составах преступлений, используя метод «от противного»;

– уголовное законодательство Республик Казахстан и Таджикистан практически дословно воспроизводит дефиниции прямого и косвенного умыслов, сформулированных в ст. 25 Уголовного кодекса Российской Федерации 1996 г. По этому пути пошел и законодатель Азербайджанской Республики;

– Уголовный кодекс Республики Узбекистан дает понятие умышленных преступлений с учетом видов умысла (прямой и косвенный) и видов составов преступлений по конструкции (формальные, материальные).

В данном подходе нашли отражение позитивные достижения советской школы уголовно-правовой доктрины. И надо отдать должное узбекскому законодателю, поскольку Уголовный кодекс данной страны был разработан и введен в действие ранее Уголовного кодекса Российской Федерации;

– значимый признак конструирования умыслов в УК Республики Молдова — вредоносность, а не общественная опасность; деление умысла на виды в уголовно-правовых нормах отсутствует. Однако использование законодателем категорий «желание» и «сознательное допущение» дает основание вести речь о прямом и косвенном умыслах;

– отход грузинского законодателя от традиций советской школы уголовного права в вопросе определения видов умысла выражается в замене понятия общественной опасности на противоправность;

– украинский законодатель закрепил психологическую концепцию вины, определения прямого и косвенного умыслов.

Проведенный в § 2 сравнительный анализ регламентации российским и зарубежным уголовным законодательством вины в умышленных преступлениях позволил сделать ряд выводов:

– континентальную и англосаксонскую системы права объединяет понятие подразумеваемой вины, что не свойственно отечественному праву;

– с точки зрения российского юриста можно сказать, что английские законодательные нормы об умышленной вине очень неопределенные, запутанные и «размытые»;

– бывшие социалистические европейские страны (Республика Болгария, Республика Польша) сохранили в своем уголовном законодательстве влияние советского уголовного права;

– в китайской законодательной (УК КНР) дефиниции умысла на первый план выдвинуто сознание общественно опасного характера деяния, в чем прослеживается заметное влияние советской школы уголовного права;

– в уголовном законодательстве стран Балтии заложена психологическая концепция вины. Конструкции видов умысла укладываются в рамки прямого и косвенного умыслов, характерных для российского уголовного права. Вместе с тем интеллектуальный момент прямого и косвенного умыслов в уголовном законе России представлен двумя компонентами, отражающими работу сознания по отношению к деянию и его последствию. В формулировках умыслов по уголовному закону Латвийской Республики присутствует лишь сознательное восприятие деяния;

– грузинский законодатель, в отличие от российского, при определении видов умысла использует понятие «противоправность» вместо общественной опасности;

– украинский законодатель не только закрепил психологическую концепцию вины, но и представил ее дефиницию в традиционной для российской (как советского, так и современного периода) школы уголовного права трактовке. Определения прямого и косвенного умыслов мало, чем отличаются от оных в российской теории вины советского и современного периодов.

Глава IV «Вина в умышленных преступлениях в современный период развития российского уголовного права: вопросы законодательной регламентации, проблемы теории и практики» представляет собой анализ и синтез системы современных знаний о вине в умышленных преступлениях на уровне законодательства, теории и практики, концентрированное выражение системы авторских воззрений о вине в умышленных преступлениях, явившихся результатом диссертационного исследования, проведенного на базе системно-комплексного сочетания философских основ данного феномена, эволюции отечественного законодательства и научной юридической мысли, зарубежного опыта и правоприменительной практики.

В § 1 *«Вина (виновность) в умышленных преступлениях: законодательный и теоретический аспекты проблемы»* подчеркивается, что современному российскому обществу остро необходима новая уголовно-правовая теория, развитие которой должно носить эволюционный характер. Данное утверждение имеет самое непосредственное отношение к теории вины в умышленных преступлениях. Однако нельзя принимать поспешных решений, слепо следовать западноевропейским канонам, необходимо бережно относиться к традициям

отечественного уголовного права. Поэтому важно сохранить в уголовном законодательстве принцип вины, признак преступления «виновность», законодательное конструирование и просто само упоминание в уголовном законе умысла и его видов.

В диссертации уделено внимание анализу важнейшего вопроса в рамках исследуемой проблемы о соотношении категорий «вина» и «виновность», основывающемся на изучении научной литературы и экспертном опросе ученых, практиков и студентов-юристов. Итоги опроса следующие: 39 % ученых считают вину и виновность тождественными понятиями, 12% наделяют названные категории относительной самостоятельностью, 49 % признают вину уголовно-правовой категорией, а виновность — уголовно-процессуальной, затруднившихся ответить на данный вопрос не оказалось; среди сотрудников правоприменительных органов аналогические показатели таковы: 17 %, 31 %, 49 % и 3 %; среди студентов — 80 %, 5 %, 5% и 10 %.

В рамках материального уголовного права автор признает тождество вины и виновности. Вместе с тем, по мнению соискателя, феномену вины свойственна полисемичность: вина — это не только внутренняя составляющая преступления, но и проявление внутреннего состояния преступника во вне.

Вина — психолого-оценочное понятие, выступающее связующим звеном объективных и субъективных признаков преступления; вместе с тем вина, как бы, стоит над преступлением, отсюда сделан вывод: преступление как некая данность может существовать в объективном мире, а вина в полном объеме — еще нет.

Вина имеет двуединое начало: 1) внутренняя составляющая преступления, ядро его субъективной стороны, находящая воплощение в умысле или неосторожности, и 2) внешняя «субстанция» в виде отрицательной оценки суда от имени государства осознанно-волевого отношения лица к совершаемому им общественно опасному деянию и его общественно опасному последствию.

Основанием возникновения вины следует признать совершенное лицом преступление. Содержание вины наполнено объективными и субъективными признаками преступления.

Умысел, являясь обязательным субъективным признаком преступления, выступает частным проявлением внутренней составляющей преступления, частным проявлением вины как ядра субъективной стороны преступления. Вместе с тем вина в умышленных преступлениях имеет и свою внешнюю «оболочку», находящую выражение в отрицательной оценке судом от имени государства осознанно-волевого отношения лица к совершаемому им общественно опасному деянию и его общественно опасному последствию, имеющего свою определенную специфику в различных вариациях умысла. Качественное свойство вины в умышленных преступлениях — злонамеренность.

Избранный законодателем способ демонстрации формы вины в конкретных составах преступлений против личности лишь отдаленно напоминает и фрагментарно отражает им же данные определения преступлений, совершенных с прямым или косвенным умыслом. Конструкциям всех уголовно-

правовых норм Особенной части УК РФ предпочтительно придать следующую форму: «Лицо, виновное в совершении (далее идет описание преступления), — наказывается ...». Предложенная конструкция отвечает требованиям принципа вины.

Признание российским законодателем категории «неизбежность» бесспорным свидетельством прямого умысла не опирается на результаты научных и социологических исследований, свидетельствует об искусственном расширении сферы репрессивных мер и не востребовано практикой.

Предложен авторский проект ч. 2 ст. 25 УК РФ: «При прямом умысле лицо осознает общественную опасность своих действий (бездействия), предвидит реальную возможность наступления общественно опасных последствий и желает их наступления».

Часть 3 ст. 25 УК РФ предлагается сформулировать в следующей редакции: «При косвенном умысле лицо осознает общественную опасность своих действий (бездействия), предвидит реальную возможность наступления общественно опасных последствий, не желает, но сознательно допускает эти последствия либо относится к ним безразлично».

Диссертантом разработана дефиниция вины в умышленных преступлениях: «Вина в умышленных преступлениях — это осознанно-волевое отношение лица к совершаемому им общественно опасному деянию и его общественно опасному последствию, выраженное в форме прямого или косвенного умысла, получившее отрицательную оценку от имени государства».

В § 2 «*Правоприменительный опыт интерпретации вины в умышленных преступлениях: проблемы и пути решения*» осуществлен научный поиск казуального толкования вины в умышленных преступлениях и его анализ через призму законодательных конструкций и доктрины уголовного права. Итогом исследования явилось выявление типичных судебных ошибок, носящих существенный характер: 1) правоприменительное описание вины в умышленных преступлениях лишь отдаленно напоминает законодательные и доктринальные дефиниции; 2) в приговорах судов вид умысла не конкретизируется (несмотря на то, что законодатель выделяет прямой и косвенный умыслы — ч. 2, 3 ст. 25 УК РФ); 3) традиционно в приговорах судов отсутствует анализ интеллектуальных и волевых моментов прямого и косвенного умыслов, хотя он затруднен и в силу сложности законодательных конструкций данных уголовно-правовых категорий.

Высказаны предложения по корректировке правоприменительной практики в следующем направлении:

- в обвинительных приговорах судам следует конкретизировать вид умысла (прямой или косвенный);
- интеллектуальные и волевые моменты прямого и косвенного умыслов должны подлежать обязательному анализу в приговоре суда;
- правоприменительное описание вины в умышленных преступлениях должно строго соответствовать законодательным конструкциям;

– расширить практику освобождения от уголовной ответственности лиц, совершивших умышленные преступления небольшой и средней тяжести в связи с примирением с потерпевшим.

В **заключении** диссертации подводятся итоги исследования, формулируются выводы и предложения.

Составлен **список использованных источников**.

В **приложении** представлены проекты статей Уголовного кодекса Российской Федерации, анкета, разработанная для экспертного опроса, и его результаты.

**Основные положения диссертации отражены
в следующих опубликованных автором работах:**

*Статьи в рецензируемых научных журналах и изданиях,
рекомендованных ВАК при Министерстве образования и науки РФ:*

1. *Найбойченко, В.В.* Вина в умышленных преступлениях: постановка проблемы [Текст] / В.В. Найбойченко // Человек: преступление и наказание. Научный журнал. – 2015. – № 4 (91). – С. 117–121 (0,57 а. л.).

2. *Найбойченко, В.В.* Умысел в преступлениях: закон, теория и судебная практика [Текст] / В.В. Найбойченко // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2015. – № 5 (106). – С. 161–165 (0,33 а. л.).

3. *Найбойченко, В.В.* Вина в умышленных преступлениях (законодательный и доктринальный опыт периода Российской империи) [Текст] / В.В. Найбойченко // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2015. – № 6 (107). – С. 153–158 (0,45 а. л.).

4. *Найбойченко, В.В.* Историко-правовой очерк о вине в умышленных преступлениях (от Древней Руси до Московского государства) [Текст] / В.В. Найбойченко // Библиотека уголовного права и криминологии. – 2016. – № 1 (13). – С. 93–97 (0,37 а. л.).

Статьи в иных научных изданиях:

5. *Найбойченко, В.В.* Проблема понятия вины в российской уголовно-правовой доктрине [Текст] / В.В. Найбойченко // Актуальные проблемы реформирования современного законодательства Российской Федерации : сб. тез. докл. (по матер. всерос. ежегод. науч. студ. конф., Саратов, 16 апреля 2010 г.) / [редкол. : О.Ю. Рыбаков (отв. ред.) и др.]. – Саратов : Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2010. – С. 272–273 (0,1 а. л.).

6. *Найбойченко, В.В.* Отдельные аспекты истории учения о вине в российской уголовно-правовой доктрине [Текст] / Верина Г.В., Найбойченко В.В. // Науковий вісник Міжнародного гуманітарного університету : зб. наук. праць. – Одеса : Фенікс, 2012. – Вип. 3. – (Серія : юриспруденція). – С. 84–88 (0,44 а. л., авторство не разделено).

7. *Найбойченко, В.В.* Философская основа уголовно-правового понимания вины [Текст] / В.В. Найбойченко // Науковий вісник Міжнародного гуманітарного університету : зб. наук. праць. – Одеса : Фенікс, 2012. – Вип. 4. – (Серія : юриспруденція). – С. 171–176 (0,56 а. л.).

8. *Найбойченко, В.В.* Трактовка умысла в уголовном законодательстве России и отдельных зарубежных стран (компаративистский аспект) [Текст] / В.В. Найбойченко // Сравнительный анализ законодательства Российской Федерации и зарубежных стран : сб. науч. тр. междунар. науч.-практ. конф., г. Волгоград, 23 – 24 мая 2013 г. / отв. ред. Н.В. Павличенко. – М. : Планета, 2013. – С. 149–154 (0,27 а. л.).

9. *Найбойченко, В.В.* Современные тенденции развития учения о вине в российской уголовно-правовой науке [Текст] / В.В. Найбойченко // Право и практика. Научные труды Института МГЮА имени О.Е. Кутафина в г. Кирове. – 2014. – № 1 (13). – С. 107–109 (0,37 а. л.).

10. *Найбойченко, В.В.* Дискуссия о понятии вины в российской уголовно-правовой науке [Текст] / В.В. Найбойченко // Современная научная мысль. – 2014. – № 4. – С. 186–200 (0,95 а. л.).

11. *Найбойченко, В.В.* Законодательная регламентация умысла: состояние и возможные пути эволюции (на примере преступлений против личности) [Текст] / В.В. Найбойченко // Уголовное право в эволюционирующем обществе: проблемы и перспективы : сб. науч. ст. Ч. 1 / ред. кол. : С.Г. Емельянов [и др.]; Юго-Зап. гос. ун-т. – Курск, 2014. – С. 146–150 (0,2 а. л.).

12. *Найбойченко, В.В.* Концептуальные основы понятия вины: состояние и проблемы [Текст] / В.В. Найбойченко // Конституция Российской Федерации — правовая основа развития современной российской государственности : сб. ст. по матер. междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 20-летию Конституции Российской Федерации (в рамках VI Саратовских правовых чтений, 19–20 сентября 2013 г.) / под общ. ред. С.А. Белоусова. – Саратов : Изд-во ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия», 2014. – С. 280–281 (0,29 а. л.).

13. *Найбойченко, В.В.* Об особенностях мотивации отдельных видов умышленных преступлений [Текст] / В.В. Найбойченко // Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики : матер. XII междунар. науч.-практ. конф. – В 4-х т. – Т. 2. Актуальные проблемы юридической науки. – В 2-х ч. – Ч. 1. – Тольятти : Волжский университет им. В.Н. Татищева, 2015. – С. 82–90 (0,5 а. л.).

Общий объем научных работ соискателя составляет 5,4 а. л.